Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (27), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+93/94
ББК 83.3(2=411.2)+63.3(2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80
https://elibrary.ru/NPJQQN

© 2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Русская история» С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

© 2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Russian History by Sergey Solovyov in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00258 «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Аннотация: Статья впервые в достоевистике рассматривает проблему влияния исторических трудов выдающегося русского ученого, профессора Императорского Московского университета С.М. Соловьева (1820–1879) на творчество Ф.М. Достоевского. Известно, что Достоевский внимательно читал, многократно упоминал и имел эти труды в своей домашней библиотеке. На материале романа «Идиот» исследуется присутствие «Русской истории» Соловьева в художественном мире Достоевского как книги в книге. «История» Соловьева выполняет для Рогожина функцию Священного Писания, ибо он читает ее по совету Настасьи Филипповны с целью «образить» себя. Миссия по трансформации собственной личности путем чтения исторической литературы оказывается для Рогожина непосильной и провальной, ибо чувства ревности, обиды и мести берут в нем верх над идеалами жертвенного служения, братского

отношения и благочестия. В статье доказывается, что на самом деле Рогожин читает не «Историю России с древнейших времен», как полагали комментаторы первого и второго изданий академического Полного собрания сочинений Достоевского, но однотомную «Учебную книгу русской истории» того же автора, впервые опубликованную в 1859–1860 годах и к моменту выхода «Идиота» выдержавшую семь изданий. Анализируется, какие именно места из этой книги могут быть особенно актуальными для Рогожина в свете общего сюжета романа и его сложных взаимоотношений с князем Мышкиным и Настасьей Филипповной.

Ключевые слова: «Учебная книга русской истории» С.М. Соловьева, Ф.М. Достоевский, «Идиот», Настасья Зима, книга в книге, историческое просвещение, история в литературе, «ошибка» героя.

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* «Русская история» С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 64–80. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00258 "The Role and the Image of Books in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*" (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Abstract: For the first time in Dostoevsky studies, the article examines the influence of the historical works of the eminent Russian scholar, professor at the Imperial Moscow University Sergey Solovyov (1820-1879), on the novelist's work. It is known that Dostoevsky carefully read these texts, repeatedly mentioned them and had them in his home library. The presence of Solovyov's *Russian History* in Dostoevsky's artistic world is explored as a book within a book, using material from the novel *The Idiot*. Solovyov's *History* fulfils the function of Holy Scripture for Rogozhin, who reads it in order to "educate" (rus. *obrazovat'*) himself, following Nastasya Filippovna's suggestion. Rogozhin's mission to transform his personality by reading historical literature turns out to be unbearable and a failure, as feelings of jealousy, resentment and revenge prevail over the ideals of sacrifice, brotherhood and piety. The article proves that Rogozhin is not actually reading the *History of Russia from the Earliest Times*, as the commentators of the first and second editions of the academic *Complete Works* of Dostoevsky believed, but the one-volume *Textbook of Russian History* by the same author: first published in 1859–1860, it had gone through seven editions by the time *The Idiot* was published. The article analyses which passages from this book may be particularly relevant to Rogozhin, given the novel's overall plot and Rogozhin's complex relationship with Prince Myshkin and Nastasya Filippovna.

Keywords: *Textbook of Russian History* by Sergey Solovyov, Fyodor Dostoevsky, *The Idiot*, Nastasya Zima, book in the book, historical enlightenment, history in literature, a hero's "mistake."

For citation: Podosokorsky, N.N. "*Russian History* by Sergey Solovyov in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (27), 2024, pp. 64–80. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-64-80

Если в первой части романа «Идиот» (1868–1869) князь Мышкин в разговоре с Лебедевым сталкивается с упоминанием «Истории» Карамзина, в которой ему предлагается отыскать его «историческое» имя [Подосокорский, 2024а], то во второй части, оказавшись в «большом, мрачном» доме Парфена Рогожина, он уже видит воочию раскрытую на определенных страницах «Историю» Соловьева. Удивительно, что прежде достоевистами не только специально не исследовались роль и образ этой книги в «Идиоте», но и по сей день, насколько нам известно, не существует ни одной научной работы, всецело посвященной влиянию исторических трудов С.М. Соловьева на творчество Ф.М. Достоевского, в отличие от многочисленных исследований, в которых рассматриваются отношения и взаимное влияние философа Владимира Соловьева (сына историка) и Достоевского. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

По всей видимости, Достоевский внимательно читал исторические сочинения Соловьева в период работы над «Идиотом». По свидетельству Н.Н. Страхова, уезжая за границу, писатель, в числе немногих книг («Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» инока Парфения (Агеева), сочинения В.Г. Белинского и др.), взял с собой и вышедшие к 1867 году тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева [Биография, 1883, отд. 1, с. 298]. Уже находясь за границей, Достоевский упоминает имя этого историка, называя его «поклонником немцев», в своей переписке осени 1867 года (см., например, его письмо к С.Д. Яновскому от 28 сентября 1867 года [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 353]). В письме же к А.Н. Майкову от 27 октября 1869 года писатель сетует, что в русских школах и гимназиях «ни Карамзина, ни Соловьева <...> целиком не читают» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 74], хотя, по его убеждению (многократно высказываемому

и в других письмах, и в личных разговорах[1] с разными людьми), чтение сочинений этих выдающихся русских историков может иметь большое воспитательное значение, особенно, для молодых людей.

Профессор Императорского Московского университета Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) — единственный на момент выхода «Идиота» живой историк из всех напрямую упомянутых в романе авторов исторических книг (Карамзин, Шлоссер, Шаррас), причем его тогдашняя известность как ученого была неотделима от его славы как преподавателя, много делающего для развития образования среди соотечественников[2]. В своей педагогической деятельности Соловьев «выступал продолжателем традиций либеральной профессуры Московского университета (Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев и др.), перенеся их на предмет отечественной истории» [Шаханов, 2002, с. 97]. Кроме того, он вообще был первым преподавателем, читавшим в российских университетах полный курс отечественной истории [Шаханов, 2002, с. 100], давая своим студентам уникальную возможность воспринять всю историю России (от древнейших времен и вплоть до первой половины XIX века) в ее неразрывном единстве, а не только с углублением в отдельные периоды. На лекциях Соловьева его «генеральным приемом, облегчающим понимание слушателями сути исторических явлений и процессов, была аналогия» [Кучурин, 2020, с. 118]. По словам А.М. Дубровского, историк ««стремился во всех случаях показать типичные, закономерные черты, этапы развития, ***повторяющиеся ситуации*** в истории России и стран Западной Европы. Аналоги историческим законам и ситуациям он усматривал и в жизни отдельного человека (тогда он сравнивал общество с поведением

[1] К примеру, писательница В.В. Тимофеева (О. Починковская; 1850–1931), работавшая в 1873 году корректором в типографии, где печатался еженедельник «Гражданин», вспоминает, как Достоевский советовал ей тогда стать историком («Будьте историком! <...> Ни одной еще женщины не было. Сколько славы!») и призывал читать, в том числе, исторические труды С.М. Соловьева: «Он хотел теперь знать, что я читаю, с кем видаюсь, какого держусь "направления".

— Что это вы все носитесь с "либералами"? — с иронией указывал он на книжку "Отечественных записок", только что взятую мной по дороге из библиотеки. — Читайте лучше Погодина, Карамзина, Соловьева...» [Тимофеева, 1990, с. 150–151].

[2] Постоянным читателям «Русского вестника», в котором печатался роман «Идиот», С.М. Соловьев был хорошо известен и как постоянный автор (в 1856–1865 годах) этого издания. В «Русском вестнике» были опубликованы такие работы историка, как «Европа в конце XVIII века» (1862, т. 38, № 4; т. 39, №№ 5, 6; т. 42, № 11. 1863, т. 43, № 2; т. 44, № 3), «Заметка по поводу статьи г. Мельникова "Старообрядческие архиереи"» (1863, т. 45, № 6), «Венский конгресс» (1865, т. 55, № 2) и др.

личности) и в природе» [Дубровский, 2020, с. 23]. Проводимые им яркие параллели между разными событиями и личностями очень запоминались и нравились его студентам.

В.О. Ключевский, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета в первой половине 1860-х годов, так вспоминал о своем учителе: «<...> Соловьев был историк-моралист: он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды, или, приближаясь к языку древнерусского летописца, знамение правды Божией. Я не вижу в этом научного греха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороной, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни. Кто из слушателей Соловьева не запомнил на всю жизнь этих нравственных комментариев, что "общество" может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, основано на жертве, ибо отец и мать перестают жить для самих себя <...>» [Ключевский, 1987–1990, т. 7, с. 327].

В этом качестве автор «Истории России с древнейших времен» был близок Карамзину, также усматривающему в истории действие Провидения, однако, в трудах Соловьева роль Бога в истории была гораздо более закамуфлирована, так что его религиозное чувство, действительно, можно было со стороны объяснить не только «моралистикой», но и «прагматикой».

В «Идиоте» появление «Истории» Соловьева никак нельзя считать случайным и проходным, поскольку книга упоминается в тексте неоднократно, причем в связи с главными героями (Мышкиным, Настасьей Филипповной, Рогожиным), и в чрезвычайно сложном для понимания контексте. Вот первое описание этой книги в комнате Рогожина, данное как бы от лица князя Мышкина:

«— Мрак-то какой. Мрачно ты сидишь, — сказал князь, оглядывая кабинет.

Это была большая комната, высокая, темноватая, заставленная всякою мебелью — большею частию большими деловыми столами, бюро, шкафами, в которых хранились деловые книги и какие-то бумаги. Красный широкий сафьянный диван, очевидно, служил

Рогожину постелью. Князь заметил на столе, за который усадил его Рогожин, две-три книги; одна из них, “История” Соловьева, была развернута и заложена отметкой. По стенам висело в тусклых золоченых рамах несколько масляных картин, темных, закоптелых и на которых очень трудно было что-нибудь разобрать» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 172].

Рассказывая в дальнейшем князю о своей жизни и взаимоотношениях с Настасьей Филипповной за последние три месяца, хозяин дома внезапно указывает ему и на ту самую (уже *замеченную* ранее гостем) *развернутую* книгу Соловьева, *поясняя*, почему и зачем он ее читает посреди этого «мрака» и, вместе с тем, *уточняя ее название*:

> Вот эту книгу у меня увидала: «Что это ты, “Русскую историю” стал читать? (А она мне и сама как-то раз в Москве говорила: “Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы «Русскую историю» Соловьева прочел, ничего-то ведь ты не знаешь”). Это ты хорошо, сказала, так и делай, читай. Я тебе реестрик сама напишу, какие тебе книги перво-наперво надо прочесть; хочешь иль нет?» И никогда-то, никогда прежде она со мной так не говорила, так что даже удивила меня; ***в первый раз как живой человек вздохнул*** [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 178–179].

Рассказ Рогожина — дополнительное свидетельство широкой образованности Настасьи Филипповны, круг чтения которой, очевидно, вышел далеко за рамки освоения «изящной девичьей библиотеки» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 36], подобранной для нее в определенных целях ее растлителем Тоцким. В отличие от Тоцкого, сама Настасья Филипповна использует подбор книг для чтения вовсе не для сведения интересующего ее человека к определенной для него извне узкой и ограниченной функции в их отношениях, но, наоборот, ее «реестрик» призван раскрыть его истинный потенциал, проявить его подлинную сущность, оживить его душу.

Исключительно важно в этом отношении употребленное Настасьей Филипповной в отношении Рогожина слово «образить», которое имело и для автора «Идиота» особый смысл еще со времен каторги. В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский откликнулся на празднование десятилетия Российского Общества покровительства животным, заметив: «И действительно, не одни же ведь собачки и лошадки так дороги “Обществу”, а и человек, русский

человек, которого надо ***образить и очеловечить***, чему Общество покровительства животным, без сомнения, может способствовать. Научившись жалеть скотину, ***мужик станет жалеть и жену свою***. А потому, хоть я и очень люблю животных, но я слишком рад, что высокоуважаемому “Обществу” дороги не столько скоты, сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света! Всякое просветительное средство дорого, и желательно лишь, чтобы идея Общества стала и в самом деле одним из просветительных средств» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 26]. В авторском примечании он дополнительно пояснил: «Образить — словцо народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. Долго пьянствующему говорят, укоряя: “Ты хошь бы образил себя”. Слышал от каторжных» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 26].

Таким образом, Настасья Филипповна пытается именно посредством чтения *исторической литературы* облагородить нрав влюбленного в нее Рогожина, который, по его собственному признанию, «ничему никогда не обучался» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 9] и который, как мы знаем, периодически заглушает свои проблемы и неудовлетворенные желания пьянством [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 13, 116], а в порыве злобы способен грязно обругать свою возлюбленную и даже избить ее «до синяков» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 175]. Собственно то разрушительное чувство, которое Рогожин испытывает к Настасье Филипповне, прозорливый князь Мышкин почти буквально описывает как «пьяную любовь»: «Он пьян, — сказал князь. — Он вас очень любит» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 141].

Чтение «Русской истории» Соловьева должно было, по мысли Настасьи Филипповны, восстановить в Рогожине его стертый и искаженный отсутствием всякого образования человеческий лик и трансформировать его захватническую страсть к ней в понимающую и принимающую любовь наподобие той, которую к ней испытывает князь Мышкин. Последний в это же посещение Рогожина, в котором заходит их разговор о Соловьеве, объясняет ему специфику своего чувства к Настасье Филипповне: «Я ведь тебе уж и прежде растолковал, что я ее “не любовью люблю, а жалостью”. Я думаю, что я это точно определяю. Ты говорил тогда, что эти слова мои понял; правда ли? понял ли? Вон как ты ненавистно смотришь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 173]. На что Рогожин отвечает, подчеркивая принципиальное отличие своего чувства, исполненно-

го необузданной страсти и жгучей ревности, от чувства князя: «Мы вот и любим тоже порозну, во всем то есть разница, — продолжал он тихо и помолчав. — Ты вот жалостью, говоришь, ее любишь. Никакой такой во мне нет к ней жалости. Да и ненавидит она меня пуще всего. Она мне теперь во сне снится каждую ночь: всё, что она с другим надо мной смеется» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 174].

Под конец этого странного разговора у стола (аналога «престола»), на котором лежит раскрытая посреди окружающего мрака книга Соловьева, князь Мышкин несколько раз машинально берет в свои руки лежащий подле нее садовый нож, а Рогожин, в свою очередь, несколько раз вырывает его из рук гостя. Это их «противоборство» завершается решительным жестом хозяина: «Видя, что князь обращает особенное внимание на то, что у него два раза вырывают из рук этот нож, Рогожин с злобною досадой схватил его, заложил в книгу и швырнул книгу на другой стол» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 180].

Читатель, который способен проследить лишь за самой внешней стороной истории с этим ножом, с изумлением мог бы обнаружить, что спустя некоторое время он как будто окажется извлечен Рогожиным из книги Соловьева для убийства уже не просто своего соперника, но названного крестового брата, а после отведенной князем в самую последнюю минуту перед своим припадком руки убийцы — снова *зачем-то* будет возвращен в ту же самую (!) книгу. Однако Т.А. Касаткина в своем недавнем исследовании *ключевой метафизической сцены* «Идиота» убедительно показывает, что в этом насквозь мистическом и апокалиптическом романе история с ножом Рогожина разворачивается совсем иначе:

> Рогожинский волевой импульс начинает быть все более бессознательно-эмоционально доступным князю во время его похода к дому Настасьи Филипповны, что описывается как «привязавшийся к князю демон», уверяющий его в намерении Рогожина совершить убийство, признанию и осознанию чего на уровне рацио князь всячески сопротивляется. Одновременно — и в прямой связи с процессом возрастания проницаемости границ — все более приближается момент выхода князя за пределы времени в продолжающееся мгновение, предшествующее эпилептическому припадку. Мгновение, в которое князь оказывается вошедшим в истинную природу человека, в неразделенное единство человечества (и более того — в неразделенное единство универсума) — и способным пере-

> хватить управление у другого (заблудившегося) личностного центра, устремившегося во мрак. В последнюю минуту перед ударом князь силой поворачивает Парфена «ближе к свету», потому что «яснее хотел видеть лицо». И в момент крика «Парфен, не верю» [13, т. 8, с. 195] необычайный внутренний свет озаряет душу князя — и он не только отклоняет своей волей уже падающий на него нож — но этот нож внезапно оказывается и не вынимавшимся из книги, в которую заложил его Рогожин, вырвав из руки князя, уже вплоть до того момента, как к Рогожину придет убежавшая из-под венца Настасья Филипповна: «Я про нож этот только вот что могу тебе сказать, Лев Николаевич, — прибавил он, помолчав, — я его из запертого ящика ноне утром достал, потому что все дело было утром, в четвертом часу. Он у меня все в книге заложен лежал...» [13, т. 8, с. 505]. Так выход за пределы времени позволяет не только прекратить убийственное и самоубийственное движение другого человека, но и сделать его вовсе не бывшим [Касаткина, 2024, с. 233–234][3].

Комментаторы первого и второго изданий академического Полного собрания сочинений Достоевского полагают, что в романе «Идиот» под упомянутой «Историей» Соловьева имеется в виду главное сочинение историка, а именно его многотомная «История России с древнейших времен», издаваемая с 1851 года и до конца жизни автора (к 1868 году, когда начал публиковаться роман «Идиот», успели выйти первые семнадцать из двадцати девяти ее томов), поскольку этот труд имелся в домашней библиотеке писателя[4] и неоднократно упоминался им в письмах к разным людям [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 440], [Достоевский, 2013–, т. 9, с. 507, 763]. Этот аргумент и сам по себе не является сверхнадежным доказательством, поскольку полный состав домашней библиотеки Достоевского до 1867 года нам неизвестен, да и наличие какой-либо

[3] Заметим, что подобного рода соединение разных реальностей с взаимоисключающим содержанием в романе испытывает на себе и другой герой — Ипполит Терентьев, причем так же в связи с Рогожиным. В своем «необходимом объяснении», зачитанном им на даче Лебедева, он рассказывает о странном и невозможном посещении его ночью Рогожиным, прибавляя: «Когда я отворил <…> дверь, мне тотчас представилась мысль: как же мог он войти, когда дверь была заперта? Я справился и убедился, что настоящему Рогожину невозможно было войти, потому что все наши двери на ночь запираются на замок» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 341].

[4] Помимо «Истории России с древнейших времен» в библиотеке Достоевского хранились и другие исторические труды С.М. Соловьева, а также материалы, посвященные историку [Библиотека Достоевского, 2005, с. 120, 144, 252, 277–278].

книги в доме писателя вовсе не означает, что он не читал иных трудов того же автора. Нельзя утверждать и то, что в своих художественных произведениях Достоевский упоминал только те книги, которые хранил у себя дома. Однако приведенный в ПСС комментарий имеет еще три дополнительных изъяна.

Во-первых, странно предполагать, что Рогожину, «совсем необразованному человеку» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 178], не имеющему навыков самостоятельного чтения серьезной, научной литературы, Настасья Филипповна вдруг посоветовала прочесть сразу семнадцать вышедших на тот момент трудов «Истории России с древнейших времен», которые, как отмечал сам Достоевский в процитированном ранее письме, целиком не читали даже в гимназиях. Во-вторых, при описании книг, лежащих на столе в доме Рогожина, подчеркивается, что только одна из них была «Историей» Соловьева, тогда как при чтении героем именно соловьевского многотомника логичнее было бы представить, что на его столе должны были лежать несколько томов *одного и того же* труда. И, наконец, в-третьих, комментаторы ПСС совершенно проигнорировали то обстоятельство, что Рогожин, ссылаясь на Настасью Филипповну, называет читаемую им книгу «Русской историей», а вовсе не «Историей России». Мы же всегда должны исходить из базового доверия к тексту, считая одним из основополагающих принципов чтения художественного произведения следующий: **герои Достоевского ошибаются только тогда и в том случае, когда мы способны это доказать наверняка**[5].

Конечно, и главный труд Соловьева был посвящен *русской истории*, и именно о «ходе русской истории» [Соловьев, 1988–2000, т. 1, с. 55] историк пишет в предисловии к первому тому своего magnum opus, однако в «Идиоте» речь идет не просто о содержании читаемой книги, но о ее конкретном названии. И здесь, как нам представляется, гораздо уместнее предположить, что никакой неточности в именовании книги со стороны Настасьи Филипповны или Рогожина нет, но что герой на самом деле читает не многотомную «Историю России с древнейших времен», рассчитанную, главным образом

[5] Нам уже не раз доводилось писать о такого рода «ошибках» героев Достоевского, которые при внимательном чтении и знании исторического контекста никак нельзя счесть обычными фактическими ошибками. См. например, наш комментарий к словам лакея Павла Смердякова, называющего Наполеона I «отцом» Наполеона III, которые долгое время считались простой неточностью с его стороны [Подосокорский, 2024b, с. 174–175].

на аудиторию из специалистов-историков, а одну-единственную книгу того же автора, написанную им в качестве образовательного пособия для гораздо менее квалифицированного читателя. Речь идет об «Учебной книге русской истории» (1859–1860) Соловьева, которая содержит краткий обзор всей русской истории от ее истоков до современности (40-х годов XIX века). К 1868 году она выдержала целый ряд изданий: ее 4-е издание вышло в 1863 году, 5-е — в 1865 году, 6-е — в 1866 году, 7-е — в 1867-м [Соловьев, 1984, с. 46–48]. В 1863 году Министерство народного просвещения рекомендовало «Учебную книгу русской истории» Соловьева «как руководство для преподавания русской истории» в старших классах гимназий. Это руководство также оказало «заметное влияние на учебную литературу 1860-х годов (в частности, на пособие Д.И. Иловайского 1861 года), нашла приверженцев в школьных кружках самообразования» [Шаханов, 2002, с. 128–129].

Итак, что именно мог прочесть Рогожин из «Учебной книги русской истории» в свете сюжета романа «Идиот»? Прежде всего, его мог заинтересовать второй параграф 13-й главы, названный «Значение князя». В нем сообщается, что «название князя на Руси принадлежало только членам Рюрикова потомства и не отнималось ни у кого из них ни в каком случае», что «князь был призван для того, чтобы княжить и владеть, по словам летописи; он заботился об утверждении порядка в земле, о деле военном, о законах. Князь обыкновенно был главным вождем во время войны[6] **и верховным судьей во время мира**, он наказывал преступников, его двор был местом суда, его слуги были исполнителями судебных приговоров» [Соловьев, 1988–2000, т. 18, с. 179]. Роль князя Мышкина как «верховного судьи» в романе в полной мере осуществляется уже на дне рождения Настасьи Филипповны, когда он в ответ на соответствующий запрос именинницы решает одним своим словом ее дальнейшую судьбу. Но и его первое появление в доме Епанчиных сопровождается как будто случайным разговором с камердинером о справедливости суда в современной России и Европе [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 19].

[6] Военная ипостась князя, связанная с его наполеонизмом, вытеснена в романе в чтение и обсуждение Мышкиным различных сочинений о наполеоновских войнах вроде книги Шарраса о Ватерлоо [Подосокорский, 2023] и в сновидения героя, в которых он, по его собственному признанию, «все австрийцев разбивает» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 354].

Также «Учебная книга русской истории» сообщает читателю, что, если он хочет посредством чтения «образить» себя, то он стоит на верном пути, уже проторенном его предками, ибо в Древней Руси «человек благочестивый, который хотел быть крепок в вере, хотел побольше знать о божественном, должен был читать, приобретать книги для собственной духовной пользы и пользы других» [Соловьев, 1988–2000, т. 18, с. 183]. Однако главными «книгами», через соприкосновение с которыми преображался человек на Руси, оставались живые люди, достигшие просветления не на словах, а в самом образе своей жизни. Вот как об этом пишет Соловьев: «Для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространялось не словом только, но самым делом, чтобы новые русские христиане увидали в лучших людях действие христианства и в этом действии признали превосходство новой религии над старою» [Соловьев, 1988–2000, т. 18, с. 182].

Рогожин мог узнать из рекомендованной ему Настасьей Филипповной книги, с одной стороны, о многочисленных примерах того, как родные братья обманывали и убивали друг друга ради утверждения своих власти и старшинства, а, с другой стороны, о феномене *Львовского братства*, основанного в 1586 году львовскими мещанами, строителями церкви Успения Богородицы. По уставу этой организации, братья должны были наблюдать за благочестием друг друга, помогать друг другу деньгами, совместно читать священные книги и скромно друг с другом разговаривать [Соловьев, 1988–2000, т. 18, с. 326]. В «Идиоте» своего рода «братство» между Мышкиным и Рогожиным состоялось еще в Москве, задолго до их обмена крестами в доме последнего. Только вместо Священного Писания они совместно читали Пушкина, о чем публично рассказывает князь: «Я не имею права выражать мою мысль, я это давно говорил; я только в Москве, с Рогожиным, говорил откровенно... Мы с ним Пушкина читали, всего прочли; он ничего не знал, даже имени Пушкина...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 457–458]. А вот как об этом же их времяпрепровождении рассказывает своей блаженной матери Рогожин: «Матушка, — сказал Рогожин, поцеловав у нее руку, — вот мой большой друг, князь Лев Николаевич Мышкин; мы с ним крестами поменялись; **он мне за родного брата в Москве одно время был**, много для меня сделал» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 185].

Иными словами, Рогожин мог усвоить из такого чтения диаметрально противоположные способы обращения со своим *братом*, так что окончательный выбор его отношения к названному брату Мышкину все равно сохранялся за ним. Но в связи с явно символичной сценой появления «Русской истории» Соловьева в его доме, закономерно возникает вопрос: в каком именно месте была им развернута эта книга и заложена специальной «отметкой», позднее и вовсе замененной ножом, которым в итоге им же была убита его возлюбленная, посоветовавшая ему прочесть эту книгу? Рискнем предположить, что Рогожин остановился на 40-й главе «Внутренняя деятельность Петра Великого», на том самом месте, где говорится о религиозном брожении в русском обществе, столкнувшимся с резкими нововведениями царя, увлеченного всем иноземным, и об одном из лидеров религиозного сопротивления, названного еретическим и жестоко подавленного — Настасье Зиме [Соловьев, 1988–2000, т. 18, с. 398]. Напомним, что описание первого появления в романе «Идиот» «Русской истории» Соловьева обрамляет разговор Мышкина и Рогожина о различных религиозных меньшинствах — сперва о скопцах, а потом и о староверах, то есть развернутая книга с самого начала оказывается помещенной в соответствующий контекст.

В 16-м томе «Истории России с древнейших времен» Соловьева, вышедшем в 1866 году, то есть незадолго до отъезда Достоевского за границу, история Настасьи Зимы приводится с дополнительными подробностями: этой ученой женщине, которая «купила на Печатном дворе книги и читала их себе и другим людям», в частности ставилось в вину, что вместо того, чтобы посещать официальную церковь, она читает дома Евангелие, толкуя его и научая также других тому, что Богу надо поклоняться не посредством формальных обрядов и жестов, но «духом и истиною». Молитву же Иисусову «говорит она так: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!” — а не читает молитвы: “Господи Иисусе Христе, Боже наш!”» [Соловьев, 1988–2000, т. 8, с. 543–544]. Иначе говоря, Настасья Зима пострадала за свою излишнюю ученость, побуждавшую ее не слушаться беспрекословно других, но самой свободно разбираться в вопросах вероучения.

Трагедия Рогожина состоит в том, что он, увидев в Настасье Филипповне образ неземной красоты, ради которой он готов отдать все свое состояние и свою жизнь, пытается, вместе с тем, не служить этой красоте в ней, но присвоить и подчинить ее себе, наглухо закрыв

от других[7]. В итоге он отвергает и *учение* Настасьи Филипповны, пытающейся «образить» его не через участие в церковных службах, но посредством чтения, как это делала в свое время и Настасья Зима. Показательно также, что другой книгой, с которой Настасья Филипповна знакомит Рогожина в целях его преображения (это происходит спустя несколько дней после того, как он ее избил), является стихотворное изложение т.н. «Хождения в Каноссу» 1077 года неназванного автора:

«“Знаешь ты, говорит, что такое папа римский?” — “Слыхал, говорю”. “Ты, говорит, Парфен Семеныч, истории всеобщей ничего не учился”. — “Я ничему, говорю, не учился”. — “Так вот я тебе, говорит, дам прочесть: был такой один папа и на императора одного рассердился, и тот у него три дня, не пивши, не евши, босой, на коленках, пред его дворцом простоял, пока тот ему не простил; как ты думаешь, что тот император в эти три дня, на коленках-то стоя, про себя передумал и какие зароки давал?.. Да постой, говорит, я тебе сама про это прочту!” Вскочила, принесла книгу: “Это стихи, говорит”, и стала мне в стихах читать о том, как этот император в эти три дня заклинался отомстить тому папе» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 176]. Первое, что обращает на себя внимание в этом рассказе, это то, что Настасья Филипповна сравнивает себя именно с папой римским, обладающим высшей духовной властью, а Рогожина — с неискренне кающимся императором, который на самом деле стремится все подчинить своим чисто мирским задачам и утвердить везде свою волю. Поскольку обе эти книги («Русская история» Соловьева и книга с сюжетом из «всеобщей истории» — об одном папе и императоре) упоминаются в одной и той же сцене в доме Рогожина, начинающейся с того, что князя усаживают к столу с раскрытой книгой, и завершающейся закрытием этой книги путем помещения в нее будущего орудия убийства «вероучительницы» Настасьи, их необходимо рассматривать в комплексе.

Нельзя напоследок не сказать и о том, что сама фамилия историка Соловьева, органично дополняет «птичий парламент», который как будто образуют явные и скрытые персонажи романа «Идиот»: Лебедев, Иволгины, Птицины, Наполеон с «орлиным взглядом»,

[7] О том, что, согласно авторскому замыслу, стоит за удивительными взаимоотношениями всех четырех главных героев романа (Мышкина, Рогожина, Настасьи Филипповны, Аглаи), имеющих разные природы и призванных взаимодополнить друг друга, см. блестящий анализ Т.А. Касаткиной [Касаткина, 2023, с. 352–377].

переводчик и издатель книги Шарраса Пичугин [Подосокорский, 2023, с. 141] и проч. Соловей в русской народной культуре был традиционно связан с мужской брачной символикой [Славянские древности, 1995–2012, т. 5, с. 106]. Тем самым, даже на символическом уровне Настасья Филипповна через обращение своего необразованного жениха к «Русской истории» Соловьева пыталась подготовить Рогожина к их возможному браку. Однако решительно погрузив садовый нож в данную ему *как Священную* книгу[8], Рогожин окончательно утвердил вариант насильственного жизненного исхода для своей невесты.

Список литературы

1. Библиотека Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

2. Биография, 1883 — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. С портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 332, 375, 122 с.

3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

5. Дубровский, 2020 — *Дубровский А.М.* Концептуальные идеи в лекционных курсах С.М. Соловьева // С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка: сборник статей / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. С. 13–23.

6. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

7. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А.* Пространство за пределами времени: Десятая глава Апокалипсиса в ключевой метафизической сцене романа «Идиот» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 2. С. 218–237. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-218-237

8. Ключевский, 1987–1990 — *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987–1990.

9. Кучурин, 2020 — *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* Сергей Михайлович Соловьев: научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск: ИС, 2020. 268 с.

10. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Книга Ж.Б.А. Шарраса о Ватерлооской кампании в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 128–147. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-128-147

11. Подосокорский, 2024а — *Подосокорский Н.Н.* «История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. https://doi. org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

[8] Это происходит демонстративно на глазах брата-соперника и напоминает, как замечает Касаткина, «акт дефлорации» [Касаткина, 2024, с. 223].

12. Подосокорский, 2024b — *Подосокорский Н.Н.* Лакей Смердяков как почитатель Наполеона в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый мир. 2024. № 1 (1185). С. 172–183.

13. Славянские древности, 1995–2012 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

14. Соловьев, 1984 — С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 200 с.

15. Соловьев, 1988–2000 — *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 (23) кн. М.: Мысль, 1988–2000.

16. Тимофеева, 1990 — *Тимофеева В.В. (О. Починковская)*. Год работы с знаменитым писателем // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. / подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 137–196.

17. Шаханов, 2002 — *Шаханов А.Н.* С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки, 2002: Историографический вестник / отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 96–137.

References

1. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

2. *Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F.M. Dostoevskogo. S portretom F.M. Dostoevskogo i prilozheniiami* [*Biography, Letters, and Notes from Dostoevsky's Notebook. With a Portrait of Fyodor Dostoevsky and Attachments*]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1883. 332, 375, 122 p. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

5. Dubrovskii, A.M. "Kontseptual'nye idei v letsionnykh kursakh S.M. Solov'eva" ["Conceptual Ideas in Sergey's Solovyov Lectures"]. Petrov, Iu.A., editor. *S.M. Solov'ev i ego epokha: K 200-letiiu so dnia rozhnediia istorika: sbornik statei* [*Sergey Solovyov and His Time: For the 200th Anniversary of the Historian: Collected Articles*]. Moscow, In-t ros. istorii RAN Publ., 2020, pp. 13–23. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *"My budem — litsa..." Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*"We Will Be Faces / Persons..." Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. "Prostranstvo za predelami vremeni: Desiataia glava Apokalipsa v kliuchevoi metafizicheskoi stsene romana 'Idiot'" ["Space Beyond Time: The Tenth Chapter of The Apocalypse in the Crucial Metaphysical Scene of *The Idiot*"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 218–237. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-218-237

8. Kliuchevskii, V.O. *Sochineniia: v 9 tomakh* [*Works: in 9 vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1987–1990. (In Russ.)

9. Kuchurin, V.V., and A.M. Dubrovskii. *Sergei Mikhailovich Solov'ev: nauchno-pedagogicheskie vzgliady i prepodavatel'skaia deiatel'nost'* [*Sergey M. Solovyov: Academic and Pedagogical Thought and Teaching Activity*]. Briansk, IS Publ., 2020. 268 p. (In Russ.)

10. Podosokorskii, N.N. "Kniga Zh.B.A. Sharrasa o Vaterlooskoi kampanii v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Jean-Baptiste-Adolphe Charras's Book on the Waterloo Campaign in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 128–147. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-128-147

11. Podosokorskii, N.N. "'Istoriia' N.M. Karamizina v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Nikolay Karamzin's *History* in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

12. Podosokorskii, N.N. "Lakei Smerdiakov kak pochitatel' Napoleona v romane F.M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazovy'" ["Smerdyakov the Footman as an Admirer of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov*"]. *Novyi mir*, no. 1 (1185), 2024, pp. 172–183. (In Russ.)

13. Tolstoi, N.I., editor. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 tomakh* [*Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012. (In Russ.)

14. Solov'ev, S.M. *Personal'nyi ukazatel' literatury* [*Personalized Catalogue of Literature*]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1984. 200 p. (In Russ.)

15. Solov'ev, S.M. *Sochineniia: v 18 (23) knig* [*Works: in 18 (23) books*]. Moscow, Mysl' Publ., 1988–2000. (In Russ.)

16. Timofeeva, V.V. (O. Pochinkovskaia). "God raboty s znamenitym pisatelem" ["One Year of Work with a Famous Writer"]. Comp. by K. Tiun'kin and M. Tiun'kina. *Dostoevskii F.M. v vospominaniiakh sovremennikov* [*Fyodor Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries*], vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 137–196. (In Russ.)

17. Shakhanov, A.N. "S.M. Solov'ev kak prepodavatel'" ["Sergey Solovyov as a Teacher"]. Sakharov, A.N., editor. *Istoriia i istoriki, 2002: Istoriograficheskii vestnik* [*History and Historians, 2002: Historiographical Bulletin*]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 96–137. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.08.2024
Одобрена после рецензирования: 31.08.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 16 Aug. 2024
Approved after reviewing: 31 Aug. 2024
Date of publication: 25 Sept. 2024